

Известия 29.8.78

П О В Е Л Е Н И Ю В Р Е М Е Н И

Юстивас
МАРЦИНКАВИЧЮС

ЖИЗНЬ и призвание. Слишком необъятен вопрос и вместе с тем, применительно к каждому человеку, очень конкретен. О чем рассказать, например, писателю? О том, как постоянно ведешь внутренний диалог с самим собой — о путях избранных, о дорогах еще неизведанных? О том, как, стремясь к вершине и, как тебе кажется, покорив ее, вдруг обнаруживаешь, что мир состоит из множества новых, не познанных тобою вершин и что каждая книга (хорошая книга, о которой мечтает художник) — это новое восхождение, новое открытие? И кто лучше тебя знает, сколько раз оставляешь неподписанным лист бумаги и спешаешь из дома — вновь окунуться в жизнь, познать ее многоцветье, отыскать нужные слова, чтобы выразить глубину дум современника, величие его подвигов, разнообразие мира, в котором он живет...

Это легко сказать: познать, изучить, отобразить, обобщить явления жизни... Слишком упрощенным порой представляется некоторым писательский труд и сам процесс творчества. Но подлинные открытия в литературе, искусстве приходят так же трудно, как (не побоюсь показаться скромным) и научные обобщения. И за первой книгой, и за десятой и маститым, и начинающим будет так же трудно, как в первый, и никогда — легко.

Могу сослаться на собственный скромный опыт. После «Миндаугаса» и «Собора» никак не дается заключительная часть драматического триптиха. И не потому, что мне не вполне ясно, что хотелось бы сказать в ней. Как сказать о волнующем тебя, о значительном и важном, чтобы это взволновало и твоих современников?

Мы часто (и порой чересчур привычными, цветистыми словами) говорим о призвании художника. А надо бы больше и чаще говорить о гражданской ответственности каждого человека за собственную жизнь, за время, за людские судьбы.

День сегодняшний разными способами заставляет взглянуть ему в глаза, думать о нем, настраивая и собственные планы и личную жизнь на ту волну, на которой говорит сегодня мир социализма. И в современной жизни самое важное для меня (как и для каждого художника, естественно) видится в отражении бесконечно многообразной духовной жизни народа, в воспитании чувств современника. В самом деле, чем богаче духовно человек, тем он ценнее как личность, как член какого-то коллектива, как явление, как работающая и созидательная сила. В наш стремительный век, когда руками человеческими сообщается движение гигантским турбинам, когда человек проникает в глубины Земли и в просторы Вселенной, когда он разводит сады в недавних пустынях, и, восхищенный, припадает к духовным богатствам, накопленным человечеством, в этот же самый век рядом с нами живут и другие люди, которые пытаются достижения и открытия приспособить только к своей собственной жизни. Разумеется, мы стремимся создать человеку жизнь благоустроеннее, но нельзя, чтобы погоня за вещами, за личным комфортом теснила бы из его жизни более высокие интересы и идеалы. И в борьбе за лучшее в человеке громадное значение приобретают литература и искусство.

К сожалению, есть люди, которые ставят перед искусством только увеселительные задачи и находят этому объяснение. В самом деле, человек идет в театр после работы — значит развлечься. Но и веселая комедия, и остроумный скетч, и шутилка оперетта в руках талантливого художника становятся художественным осмыслением действительности, а для зрителей и слушателей одним из способов постижения жизни. И как бывает порой обидно, когда, например, из-за неповоротливости наших торгующих организаций хорошая книга подолгу не доходит до своего читателя. Из-за нерасторопности кинопроката стоящая кинолента не находит своего зрителя...

Как ни различны, на первый взгляд, сами по себе эти факты, все они — звенья одной цепи. И они напоминают о том, как необходима ответственность, гражданская ответственность каждого за ту духовную пищу, которую мы преподносим людям...

Много говорилось в свое время, что печатное слово отстает на второй план перед натиском современных средств информации — кино, радио, телевидения. Думается, что это не так. Сколько тысяч, миллионов новых читателей дарит нам телевидение, когда, обратившись к книге, талантливо усиливает слово, звучащее образом зримым. Я это почувствовал, когда телевидение экранизировало мою поэму «Стена». И, может быть, сегодня стоит не спорить о том, меньше ли стали читать люди или нет в наш век, а предъявлять более высокие требования к этим самым массовым и популярным видам искусства, в которых не последнее слово за писателем.

Уметь передать жизнь, не поверхностно изображая, но открывая ее для себя и для читателя и окрашивая своим даром, своим словом, — нет для художника в наши дни задачи более почетной, долга более ответственного.

Мы — старые и молодые — ежедневно открываем мир своим трудом. И мне представляется очень важным пробудить в человеке ощущение причастности к жизни не только ради самого себя, но и ради осуществления тех прекрасных идеалов, к которым стремилось переловое человечество.

Меня всегда привлекали художники, которые могли передать переломные, кульминационные моменты в жизни своего поколения, передать своеобразно, неповторимо. Блок, Маяковский, Есенин... Последний буквально «мучил» меня и не оставлял в покое, пока я не перевел его сочинения на литовский язык. Перевел и почувствовал, как эмоционально обогатился сам, как понятнее, ближе стали многие страницы в жизни русского народа.

Сегодня, встречаясь с начинающими литераторами (вот и недавно приезжали ко мне гости из Ленинграда), мы много говорим о назревающих проблемах поэзии, о ее назначении — достойно представлять наше время. Так уж случается, что в этих разговорах я всегда «опираюсь» на поэзию военных лет. Твардовский, Симонов, Луконин, Межиров... В творчестве тех лет каждого истинного поэта чувствуется пульс времени, дыхание народа. И его борьба, и его героика...

А разве сегодня менее важно постоянно ощущать пульс времени и соразмерять с ним свой собственный?

Мы не выполним своего долга как люди, работающие в той или другой области, если не привнесем в эту жизнь что-то весомое, свое. И наш общественный строй, наш социалистический уклад жизни открывает перед человеком столько возможностей обогатить ее, украсить, а не просто прожить за ее счет... Я вижу и продолжение этой мысли: советское искусство в своей основе обязано быть новаторским. Я не противопоставляю традиции новаторству, так как вижу в этих двух сторонах искусства проявление его диалектического единства. Все новаторское не может обходиться без связи с теми традициями, с теми ценностями, которые были созданы до нас. А все истинно новаторское не может не стать традицией. Говоря о новаторстве, я имею в виду не то мнимое, что провозглашается в разных манифестах и школах, которые возникают и быстро угасают в модернистском западном искусстве и в западной литературе.

Произведение, в котором я как читатель, как зритель, слушатель, не ощущаю корней, уходящих глубоко в народную жизнь, мне представляется непривязанным ни к времени, ни к месту. Оно словно плавает в неопределенном пространстве, случайно соприкасаясь как-то с потребителем. Но случайное соприкосновение никогда не оставляет глубокого следа в памяти.

Мы наблюдаем сейчас, как меняется жизнь. Но мы наблюдаем особенно бурные изменения как в сфере науки и техники, так и в сфере духовной деятельности человека. Литература и искусство должны с этим считаться. Они ведь призваны изучать, оценивать, обобщать эти изменения. Поэтому непрерывный творческий поиск мне представляется главной задачей художника. Этот поиск не происходит в каком-то вакууме или в «башне из слоновой кости» — он происходит в гуще жизни. И это предъявляет особый счет и художнику. Сегодня писатель не может плодотворно работать без знаний, без учета достижений в любой

из наших национальных литератур, в литературе социалистических стран, во всей прогрессивной литературе мира.

Не раз говорилось и писалось в нашей прессе, что советская литература, искусство имеют более чем на тридцать языков народов СССР. Только за 1966—1970 гг. на разных языках народов и народностей СССР опубликовано около 200 литовских книг, тираж которых составляет более семи с половиной миллионов экземпляров. Какую ответственность налагает это на нас!

Мы никогда не забудем, что именно могучий русский язык сделал книги литовских писателей достоянием многонационального читателя нашей Родины, читателя зарубежных стран. Благодаря русскому языку стало так широко известно творчество классиков литовской литературы — Кристионаса Донелайтиса, Антанаса Баранускаса, Жемайте, Майрониса, писателей более позднего поколения — Саломеи Нерис, Пятраса Цвирики, Александра Гудайтиса-Гузавичуса, Антанаса Венуолиса-Жукаускаса, Винцаса Миколайтиса-Путинаса, Антанаса Венцловы.

А как тянется литовский читатель к русской литературе! Только за 1966—1970 гг. на литовском языке изданы 224 книги русских классиков и советской русской литературы, тираж которых превысил четыре миллиона экземпляров. Опубликовано свыше 100 произведений литературы народов СССР.

...Меняется жизнь, меняются люди, наши герои и наши читатели. Я ощущаю это всякий раз, когда приезжаю в свою родную деревню, затерявшуюся среди лесов и лугов в излучине Немана. Об этом говорят и зажиточность колхозного хозяйства, и простая человеческая радость, которую приносит свободный труд моим односельчанам.

Но мне дороги и другие приметы нового, происходящие в человеческом что ли плане — новое в характерах, в речи. В лексиконе моих односельчан появились слова, которые раньше были просто немисляемыми. Слова рождаются с новыми явлениями. И становятся поэтическими, когда наполняются человеческой теплотой, когда связаны с содержанием человеческой жизни, вложенной в эти слова. Когда лет 20 назад в литовской поэзии появилось слово «трактор», оно казалось таким непоэтичным. Сегодня оно не удивляет и не режет слуха. Оно может быть метафорой, сравнением, художественным образом, потому что наполнено содержанием новой деревенской жизни... И пусть не удивляет вас, что сегодня, когда в нашей поэтической практике освоены уже сравнения, подкормленные космическими догмами, энергией атома и многим-многом другим, я вспоминаю такое привычное, ставшее уже давнишним слово — «трактор». Я вырос в деревне, в шестнадцать лет впервые увидел поезд, привезший меня в Вильнюсский университет, а в двадцать один впервые летел самолетом... Гигантский скачок проделала литовская деревня за какие-то двадцать лет. Но первый пришедший на ее землю трактор означал не только, что на смену единоличному хуторскому хозяйству приходит труд коллективный, он был еще и предвестником подлинно человеческой жизни. Верилось, что вместе с изменением характера крестьянского труда изменятся сами люди, научатся и жизнь свою, и помыслы, и дела измерять с шагами века, страны.

Я вырос в деревне и люблю ее, как только может любить деревенский человек. Люблю землю, которая нас кормит. Леса, небо, воды... Но смешными кажутся мне сейчас те, кто умирленно вздыхает по поводу того, что, к счастью, ушло, и зовет нас опять под патриархальные деревенские крыши, к плугу, дряхлой мельнице...

Нет, мы не будем этим умиляться сегодня. Мы гордимся нынешней социалистической новью. Нашей героической страной, которая за такой короткий исторический срок превратилась в могущественную и прекрасную державу с расцветшей культурой ее народов. Страной, чей гражданин, к какой бы национальности он ни принадлежал, чувствует себя полноправным членом великолепного человеческого братства, которое мы с гордостью имеем — советский народ.